

На правах рукописи

Леокумович Елена Александровна

***ДИССИДЕНТСКАЯ УТОПИЯ
В СОВЕТСКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ***

24.00.01 — теория и история культуры

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Ростов-на-Дону - 2005

Работа выполнена на кафедре исторической культурологии факультета философии и культурологии Ростовского государственного университета

Научный руководитель - кандидат философских наук,
доцент Паниотова Таисия Сергеевна

Официальные оппоненты: Вакула Иван Михайлович, доктор
философских наук, профессор

Бакулов Виктор Дмитриевич, доктор
философских наук, профессор

Ведущая организация — Ростовский Государственный
Экономический Университет

Защита состоится 14 апреля 2005 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д212.208.11 по философским наукам при Ростовском государственном университете по адресу: 344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, РГУ, ауд. 427

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке РГУ (г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 148).

Автореферат разослан 14 марта 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М. В. Заковоротная

2006-4
5236

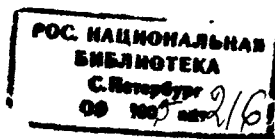
2140051

Актуальность темы исследования

Среди широкого круга проблем, находящихся в центре внимания представителей современной гуманитарной науки и, прежде всего, культурологии, наибольший интерес представляют те, которые связаны с определением перспектив развития современной культуры. В этой связи целесообразно обратиться к более глубокому изучению такого феномена как утопия, которая всегда являлась конструктивным элементом в культуре, будучи воплощением извечной и постоянно сопутствующей историческому процессу мечты человечества о Золотом веке, идеально устроенном совершенном обществе.

В эпоху техногенной цивилизации мир особенно нуждается в разработке гармоничных моделей общественного устройства. Несмотря на колоссальные достижения в науке и технике, человечество и сегодня волнуют центральные мировоззренческие вопросы: в чем предназначение человека на земле? какова природа его гармоничного существования? возможно ли идеально устроенное общество? И именно утопия, являясь формой рационально-образного проектирования, в которой мировоззренческое отношение человека направлено на постижение "отсутствующего", традиционно создавала образы гармонии и совершенства, задавала определенные ценностные ориентиры для будущего. При этом ее задача заключалась не только в представлении картин иллюзорного желанного будущего, но и в привлечении внимания к настоящему. Отсюда следует, что данная проблематика актуальна для культурологического исследования, прежде всего потому, что утопия относится в культуре к области новаций, представляет собой конструктивное творческое начало, направленное на выработку идеала и прямо затрагивает ценностную сферу культуры.

Для отечественной культуры феномен утопии имеет особое значение, поскольку русское утопическое поле беспредельно. По сей день, бытует представление, что советский строй — это утопия, реализованная на практике. Данное обстоятельство существенно повлияло на

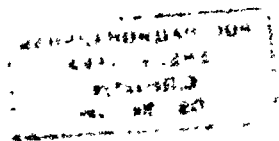
формирование весьма негативного отношения к утопии, как на уровне обыденного, так и теоретического сознания. Тем не менее, при более обстоятельном и объективном изучении отечественной культуры советского периода можно обнаружить, что безраздельно господствующая официальная идеология с явными признаками утопизма, не была способна подавить различные формы свободомыслия, проявлявшегося, в том числе, в виде контрутопий — альтернативных духовных феноменов, среди которых диссидентская утопия занимает одно из важнейших мест. Между тем именно последняя была незаслуженно обделена вниманием отечественных исследователей.

Степень научной разработанности проблемы

В целом проблемам социологического и культурологического объяснения утопии посвящено немало трудов как зарубежных, так и отечественных ученых.

Фундаментальный вклад в разработку понятия утопии внесли исследования известных западных теоретиков, таких, как Ж. Сорель, К. Мангейм, Х. Ортега-и-Гассет, Р. Миллс, Д. Рисмен, Л. Мэмфорд, К. Поппер, Е. Шацкий и др.

История отечественной утопиологии началась в XX столетии. Первые попытки рассмотреть литературную утопию в социально-историческом контексте предпринял В. Святловский. Этим же автором был создан и каталог утопий, представлявший собой синтез аннотированного указателя и библиографического обзора изданий утопических произведений преимущественно писателей зарубежных стран. Важное место в создании научной истории социалистических учений принадлежит В. П. Волгину и его школе. Академик и его ученики не только осуществляли издание трудов социалистов-утопистов прошлого, но и систематически разрабатывали их теоретическое наследие. При этом основные дискуссии велись вокруг того, кого считать родоначальни-

ком утопического социализма, кто может называться предшественником научного социализма, каковы «критерии социалистичности» и т.д.

Что касается исследований в области истории русской общественной мысли, то здесь необходимо отметить работы И. К. Пантина, А. И. Володина, Г. Г. Водолазова, В. А. Малинина, Е. Г. Плимака, В. Г. Хороса и других. Труды этих авторов были посвящены как творчеству конкретных мыслителей, так и различным теоретическим проблемам истории русского утопического социализма.

Значительная доля исследований утопии приходится на 80-90-е годы прошлого столетия. В основном научная мысль об утопии движется в направлении изучения ее сущности, генезиса и места в общественном сознании. Этому посвящены труды Э. А. Араб-Оглы, Э. Я. Баталова, Ч. С. Кирвелия, А. И. Володина, С. С. Сизова. Ученые, «адаптируя» в духе времени разработки западных исследователей утопии к марксистскому пониманию, стремились раскрыть и донести до читателя истинное содержание их концепций.

На изучении русской народной утопии были сконцентрированы научные поиски К. В. Чистова, А. И. Клибанова. На большом историко-культурном материале (исторические свидетельства, судебные дела, донесения чиновников, памятники крестьянской литературы, художественные произведения, записи устно-поэтических нарративов и т. д.) рассматривались легенды о «возвращающемся царе-избавителе» и о «далеких землях» в XVII–XX вв., а также выявлялись закономерности в повторяемости фольклорных сюжетов утопического характера. Народный утопизм исследовался в сопряжении с эсхатологическими идеями русского народа, в тесной связи с историей элитарно-философского и политического утопизма.

Русский утопизм, как всеохватное явление стал отдельной темой в религиозной философии второй половины XIX — начала XX веков. Именно в этом аспекте анализирует его исследователь Р. Гальцева.

Здесь проводится анализ работ таких русских мыслителей как Н. Бердяев, Г. Флоровский, П. Новгородцев, в свою очередь рассматривавших утопию в соотношении с понятием общественного идеала

В посттоталитарном государстве объектом пристального изучения становится литературная антиутопия. В начале 1990-х гг. официально были изданы, прежде публиковавшиеся только в «закрытых» сборниках ИНИОН, работы ведущего отечественного специалиста в этой области В. А. Чаликовой, было защищено несколько диссертаций по утопии и антиутопии (Б. А. Ланин, Ю. Л. Латынина, О. В. Лазаренко, С. С. Романов, Ким Сонг Иль и др.).

Особо следует выделить литературоведческие исследования. Среди них - разработки Е. Н. Ковтун, которая давая классификацию литературных произведений, содержащих «явный вымысел», исследует модели реальности, характерные для фантастики, утопии, притчи, литературной волшебной сказки и мифа. Ученых-лингвистов интересуют и такие частные аспекты, как, например, проблемы «общего языка» в утопии (Мясников Л. Н.), которая в данном контексте выступает, чуть ли не универсальным способом найти всеобщий язык в условиях начавшегося в XIX в. процесса становления мирового рынка, сопровождающегося ломкой привычных национальных перегородок.

В центре внимания московских ученых Л.И. Новиковой и И.Н. Сиземской - «утопическая модель русского социализма». Ученые, осуществив анализ трех моделей развития России (самодержавие, утопизм, либерализм) приходят к выводу о том, что утопизм есть необходимая сторона любого социального моделирования. поскольку историософскому мировоззрению присуще всегда задумываться о конечной цели истории. Сравнительному анализу утопии и утопизма посвятили свои работы Е. Л. Черткова и В. Д. Бакулов.

Наиболее полным современным «каталогом русских утопий» является работа Л. Геллера и М. Нике. В соответствии с названием книги («История утопии в России») авторы прослеживают всю историю разви-

тия утопической мысли России. Обзор русских утопий Геллера и Нике начинается со сведений о “народных утопических легендах” и заканчивается перестроечными проектами социального переустройства России.

Изучению русской художественной утопии, выявлению ее своеобразия по сравнению с утопической мыслью Запада также посвящены культурологические эссе В.П. Шестакова, который проводит анализ утопического творчества XVIII-XIX вв. Современное культурологическое виденье утопии предлагается Т.С. Паниотовой, рассматривающей этот феномен в контексте диалога культур.

Таким образом, проведенный анализ научной литературы свидетельствует о том, что утопия была и остается в фокусе научного интереса представителей различных гуманитарных дисциплин. Достигнутые при разработке отдельных аспектов утопии успехи сложно переоценить. Однако, несмотря на обилие публикаций, исследование проблемы утопии с точки зрения ее национальных особенностей и тем более рассмотрение с культурологических позиций феномена диссидентской утопии до сих пор остается не решенной задачей.

Объект исследования — ценностная сфера культуры.

Предмет исследования — диссидентская утопия в пространстве культуры

Цель исследования — состоит в том, чтобы провести комплексный системный анализ диссидентской утопии как специфического феномена отечественной культуры второй половины XX столетия.

Учитывая недостаточную степень разработанности рассматриваемой проблемы, достижение заявленной цели связано с решением следующих основных **задач**:

—выявить основные значения понятий “советское культурное пространство”, “контрутопия”, “диссидентская утопия” и обосновать их введение в научный оборот;

—охарактеризовав особенности русской утопической традиции определить место в ней диссидентской утопии

—осуществить анализ основных типов утопии, бытовавших в советском культурном пространстве

—определить сущность, специфику и основные формы диссидентской утопии

—на примере утопии В. Войновича “Москва 2042” проанализировать механизмы культуротворчества в рамках диссидентской литературной утопии.

Методологические и теоретические основы исследования

Теоретическую базу данной работы составляет совокупность взглядов, положений, разработок, содержащихся в трудах представителей отечественной и зарубежной утопиологии, где в свою очередь раскрываются различные аспекты утопии.

Рассмотрение данной проблемы в контексте отечественной культуры относится к разряду междисциплинарных исследований, что обуславливает необходимость обращения в ходе работы к различным областям знания — культурологии, политологии, философии, истории, филологии и др. гуманитарным наукам.

Многосторонность и сложность феномена утопии требует комплексного подхода к ее изучению.

Культурно-исторический метод, направленный на изучение эволюции утопии и динамики ее развития в культуре, позволяет выделить этапы развития и многогранность этого сложного культурологического феномена. Данный метод также применяется в работе с целью рассмотрения условий появления, развития контрутопии.

а) С одной стороны, метод взят в диахроническом аспекте, т.е. проанализирована историческая динамика развития утопической традиции.

б) С другой стороны, культурно-исторический метод взят в синхронистическом аспекте, что позволяет исследовать феномен дисси-

дентской утопии в контексте отечественной культуры одного определенного исторического промежутка (60-80-х гг. XX столетия).

Метод текстологического анализа позволяет выявить специфику русской утопической мысли, исследовать особенности диссидентской утопии (художественные приемы и методы).

Диалектический метод позволяет нам выявить многослойность, определенную противоречивость феномена утопии. Разнообразие и неоднозначность толкования данного понятия может служить и импульсом к дальнейшему развитию утопии.

Компаративный метод позволяет выяснить соотношение советской официальной утопии и контрутопии.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- обосновано введение в научный оборот культурологии понятия “советское культурное пространство” и “диссидентская утопия”;
- на основе анализа специфики русской традиции свободомыслия показано доминирование утопизма в русском менталитете;
- определено место утопии в советском культурном пространстве и проведен компаративный анализ официальной утопии и контрутопии;
- впервые в отечественной литературе выявлены сущностные характеристики диссидентской утопии и дана классификация ее основных форм;
- на примере романа В. Войновича “2042” описаны содержательные особенности и механизмы диссидентского утопического творчества в целом и в постмодернистской культуре в частности.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В связи с недостаточной разработанностью понятийного аппарата в аспекте исследуемой проблемы в научный обиход вводятся понятия “советское культурное пространство” и “диссидентская утопия”.

Под культурным пространством в диссертации понимается тот ареал, в котором протекает жизнь культуры. Это социокультурная область, образующаяся и существующая в неразрывной связи с определенной системой ценностей и идеалов, влияние которой распространяется на формы творческой деятельности людей. Советское культурное пространство – территориально ограниченная пределами СССР и временными рамками с 1917 до начала 90-х гг. XX века социокультурная область, в качестве основной ценности и цели которой выступала идея «строительства коммунизма», служившая главным ориентиром всей жизнедеятельности советского общества.

Культурное пространство – это необходимое условие существования, развития, функционирования различных культурных форм. В культурных формах выражается, сохраняется и развивается информационно-знаковое содержание общественной жизни. Одной из культурных форм выступает утопия как модель воображаемого совершенного общественного устройства. Существование нескольких конструктивных проектов совершенного общества в пределах одного культурного пространства позволяет выделить понятие контрутопии. Одним из видов контрутопии выступает диссидентская утопия. Это особая форма демонстрации оппозиционных настроений интеллигенции последней трети XX столетия, проблематизировавшая ценности, господствовавшие в советском культурном пространстве.

2. Определяющей чертой советского культурного пространства выступала предельная идеологизация и утопизация. Причины этого явления следует искать не только в специфике исторической ситуации, но и в особенностях национального менталитета и отечественной культуры. Глубокое проникновение утопизма в общественное сознание – одна из важнейших характеристик русской культуры.

Несмотря на подражательность западным аналогам, русская утопия, возникающая в литературно оформленных произведениях в XX-XIX ве-

ках, содержит весьма показательные черты своеобразия. Геополитическое расположение между Востоком и Западом обусловило наличие в утопическом творчестве постоянной полемики между рациональным началом, присущим европейской культуре и духовным началом, столь важным аспектом восточно-христианского мировоззрения. Религиозный имманентизм - вера в осуществление “рая на земле” — стал неотъемлемым компонентом философских систем русских религиозных мыслителей (Вл. Соловьев, С. Булгаков, П. Флоренский, Н. Бердяев и др.). Патриархально-общинное сознание и отказ от индивидуальной свободы в пользу коллективности способствовал обоснованию и утверждению социалистической традиции утопической мысли.

3. Советское культурное пространство - при внешней упорядоченности, однородности и гармоничности, представляет собой пространство противоречивое и дисгармоничное, поскольку наряду с доминирующей официальной идеологизированной утопией в нем существует и альтернативная система ценностей. Она представлена, с одной стороны, произведениями «высокой культуры», зачастую не имеющими ничего общего с утопическим жанром, а с другой - явлениями контрUTOпии. В качестве разновидностей контрUTOпии можно выделить трансформированную положительную утопию и антиутопию, а также произведения, написанные в жанре научной фантастики. Роман “Котлован” А. Платонова (1930), произведение А. Чаянова “Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии”(1920) — хотя и представляют собой социалистические утопии, но утопии, альтернативные большевистскому режиму; “Туманность Андромеды” И. Ефремова — позитивная утопия — с акцентированием на гуманизм. КонтрUTOпии подготовили появление феномена диссидентской утопии.

4. Диссидентская утопия — понятие, объединяющее негативные и позитивные утопии, созданные в период 60—80-х годов, когда в СССР

появляется сам феномен диссидентства. Объединяющей чертой разнообразных по форме и жанру диссидентских утопий является антитоталитарная направленность. В описываемых обществах легко угадываются реалии советской жизни, притом, что авторы утопий апеллируют к общечеловеческим ценностям. В своих произведениях авторы-диссиденты зачастую заимствуют художественные приемы утопистов XIX столетия. Продолжая традицию антижанров, основным художественным приемом которой является пародия, диссиденты создают утопии с элементами контридеологии. Среди основных разновидностей диссидентской утопии доминируют утопия-сказка, постмодернистский роман, оппозиционная публицистика. Одной из специфических черт диссидентской утопии является - акцент на “привлечении внимания к настоящему”, а не создание картин идеализированного будущего.

5. Роман В. Войновича “Москва 2042» - это диссидентская утопия, выдержанная в традициях антижанрового произведения. В сатирической антиутопии Войновича, в целом являющейся рефлексией реалий социалистической действительности, в качестве источников для пародирования использованы утопические тексты позитивных утопий, тексты партийных документов, бытовая лексика. Пародия, гротеск, гиперболизация, игровое моделирование исторических альтернатив — вот далеко не полный перечень художественных приемов диссидентов-утопистов, которые применялись в романе. Это свидетельствует, что утопическая парадигма в трудах инакомыслящих испытывает на себе влияние эпохи постмодерна, что находит выражение в “отказе от истины” (идеала), цитатности, пародии, игровой поэтике, и других чертах современной культуры.

Содержательные особенности, приемы и подходы, обнаруживающиеся в романе В. Войновича характерны для диссидентского утопического творчества в целом. Заостряя внимание на том, чего обществу следовало бы избежать, а не на том, к чему стоит стремиться, авторы создают произведения, являющиеся в своей основе дистопиями

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования

Научно-теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в культурологическом осмыслении места утопии в отечественном социокультурном пространстве. Результаты исследования позволяют углубить теоретические представления о специфике отечественной утопической традиции, типологизации утопического творчества наших соотечественников. Основные разработки диссертации могут быть использованы в научных исследованиях, посвященных истории утопии в России.

Практическая значимость исследования состоит в осмыслении проблем и перспектив развития современной культуры России. Основные положения диссертации могут быть применены при разработке программ и чтении лекций, спецкурсов, семинаров, по проблемам отечественной культуры.

Апробация диссертационной работы

Основные положения и выводы диссертации были использованы в научных публикациях, а также в сообщениях и докладах автора на научных конференциях и семинарах. Общий объем опубликованных работ по теме исследования составляет 0,7 п.л. Материалы диссертации применялись при ведении семинарских занятий. Результаты диссертационного исследования обсуждались на заседании кафедры исторической культурологии факультета философии и культурологии РГУ.

Структура и объем диссертации

Текст диссертационной работы состоит из введения, трех глав, включающих семь параграфов, заключения списка источников и изученной литературы. Объем основного текста составляет 130 страниц, список источников и изученной литературы 144 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении раскрывается актуальность исследования, обосновывается выбор предмета и темы, освящается степень их разработанности, ставятся цели и задачи, рассматриваются методы, фиксируется новизна исследования, излагаются тезисы, выносимые автором диссертационной работы на защиту.

В первой главе – “Теоретические и идейно-исторические предпосылки исследования диссидентской утопии” характеризуется понятийный аппарат исследования, раскрывается специфика русской утопической традиции.

В первом параграфе – “Утопия и культурное пространство: определение понятий” – дается анализ сложившихся в науке характеристик концепта утопии (сущностные черты, социальные функции, исторические формы). Предметом особого внимания становится понятие культурного пространства.

Автор разделяет позицию, в соответствии с которой утопия представляет собой «подробное и последовательное описание воображаемого, но локализованного во времени и пространстве общества, построенного на основе альтернативной социально-исторической гипотезы и организованного – как на уровне институтов, так и человеческих отношений – совершеннее, чем то общество, в котором живет автор” (Л.Сарджент).

В исследовании показано, что, утопия с такими ее чертами как критицизм и конструктивность, проективность или ретроспективность, трансцендентность, “внеисторизм” возникает еще в античности, сопровождает человечество практически на всех этапах его истории, являясь феноменом, основной задачей которого является моделирование “рая на земле”. Каждая эпоха вырабатывает свои проекты политического и социального устройства, которые являются альтернативой существующей действительности.

Данные обстоятельства позволяют рассматривать утопию в качестве творческого элемента в культуре, способного быть в определенном смыс-

ле двигателем социокультурных изменений через выработку новых идеалов как ориентиров дальнейшего развития. Формирование утопии – свидетельство процессов осмысления кризисных явлений современного ей общества.

Культурное пространство – это пространство, ограниченное во временном и территориальном отношении, имеющее свою сложившуюся систему культурных идеалов и ценностей, в котором возникает и реализуется творческая деятельность индивидов. Культурное пространство – образование, объединенное общими культурными ценностями и смыслами, которые, в свою очередь, будучи содержанием социальных идеологий, технологических мифов, являются источником для утопии.

В диссертации проводится различие понятий культура и культурное пространство. Опираясь на разработки культуролога А. С. Кармина, автор показывает, что понятия “культурное пространство” и “культура” не тождественны. Культурное пространство – это форма, ареал, в котором протекает жизнь культуры. Оно имеет свою структуру, внутренний и внешний уровни. Внутренний уровень включает культурные ценности, возникающие в ходе человеческой жизнедеятельности, самих людей с их знаниями и навыками (ценностный и личностный элементы). Внешний уровень вбирает в себя способ творчества (деятельностный элемент).

Во втором параграфе - “*Специфика русской утопической традиции*” - внимание автора настоящей работы концентрируется на рассмотрении генезиса и основных характеристик русской утопии.

В истории отечественной литературы существует довольно обширное наследие народных утопических представлений. “Искание правды”, поиски Града Китежа, идеализация “Святой Руси”, легенда о Беловодье, утопические легенды казачества “О граде Игната”, вызванные реакцией народа на свое рабство, являются необходимой составляющей русского менталитета. Для русского сознания характерно

то, что утопия развивается по нескольким основным направлениям: религиозно-мистическому, художественному и интеллектуальному. В контексте настоящего исследования целесообразно обратиться к изучению литературной утопии.

Широкий спектр социальных и жанровых особенностей утопических образцов позволяет говорить о солидной традиции повествовательной утопии в отечественной литературе. Без труда мы найдем и утопию в духе популярного в XVIII веке “государственного романа”, и декабристскую, и просветительскую, и славянофильскую утопии, и произведения в духе утопического социализма, и сатирические утопии, утопии в виде научно-фантастических романов и другие виды утопической литературы.

Можно выделить следующие особенности русской литературной утопии в сравнении с западноевропейской. Во-первых, русская утопия относительно молода. В литературно зафиксированных образцах она появляется только в 18 веке, когда в результате реформ Петра I Россия приобщается к западноевропейской культуре и заимствует многие идеологические формы, которые были незнакомы ей прежде.

Во-вторых, специфические черты русской утопии во многом обусловлены такой особенностью русской философской мысли как борьба между западноевропейским абстрактным “рацио” и восточно-христианским конкретным богочеловеческим логосом (А.Ф. Лосев). На основе отношения к европейскому идейному наследию оформляются два основных типа утопий - прозападнической и почвеннической ориентации.

Особенностью русской утопии является также преимущественное использование такого сюжетного хода как сон. Именно утопические “сновидения”, позволяли писателю заглянуть в будущее, миновать рогатки цензуры.

Во второй половине XIX века в связи с общекультурными изменениями утопический жанр претерпевает множество трансформаций и начинает выступать в двух полярных формах: негативной и позитивной утопии. Одними из первых в русской литературе образцов

утопий-предупреждений являются произведения В. Одоевского, М. Салтыкова-Щедрина, Г. П. Данилевского. Сатирические произведения с элементами антиутопии явились подготовительным этапом в развитии собственно жанра негативной утопии.

Утопии в духе государственного романа (А. Сумарокова, Ф. Эмина, М. Хераскова, В. Левшина, А. Радищева, М. Шербатова), декабристская утопия (А. Улыбышева, В. Кюхельбекера), просветительская (В. Одоевского), славянофильские утопии (И. Аксакова, В. Бенедиктова, Б. Киреевского, В. Лескова), утопический социализм (Н. Чернышевского), наконец, антиутопии (М. Салтыкова-Щедрина) – вот далеко не полный перечень разновидностей утопического жанра. Таким образом, утопия находит применение во всех видах социальной мысли XIX столетия.

Проанализировав отечественное утопическое творчество XVIII-XIX вв., можно заключить, что в России утопия является константой общественного сознания, а благодаря развитию литературы, традиционно вбирающей философскую рефлексию, зачастую становилась выразителем конструктивных идей.

Во второй главе диссертации - “Утопическое измерение советского культурного пространства” - исследуется трансформация утопической традиции в условиях советской действительности.

В первом параграфе “Официальная утопия: сущность и этапы становления” рассматривается слияние в постреволюционной России утопии и идеологии. Советское культурное пространство становится местом бытования идеологизированной и мифологизированной официальной утопии.

В XX веке “утопическое поле” в России претерпевает дальнейшее расширение и расслоение. Наряду с общей трансформацией феномена утопии, произошедшей в результате кризиса европейской культуры, обусловившего распространение антиутопии - как отрицания самой возможности построения совершенного общества - на отечественной почве намечаются и тенденции иного типа

Утопизм выступает ведущей чертой общественного сознания и практики социалистического строительства в СССР. Утопические по своей сути теория и практика “военного коммунизма”, “всеобщей коллективизации”, “построения социализма в одной, отдельно взятой стране”, «полной и окончательной победы социализма», «Конституции победившего социализма», программы развернутого строительства «светлого будущего»- коммунизма — все это последовательные стадии развития советской официальной утопии.

В основании официальной социалистической утопии можно обнаружить устойчивые мотивы, имеющие глубинные мифологические корни (архетипы). К ним относятся: мотив гармонизации хаоса через насилие («пролетарская революция», «диктатура пролетариата»), культ мифического творца мира («старший брат», «отец всех народов»), мотив Героя, наделяемого прометеевскими характеристиками (герой гражданской войны, социалистического труда и т.д.); архетип Матери («Родина-мать», «Мать-Земля»); наконец, архетип Врага («внешнего и внутреннего»). Вместе с тем, в советской официальной утопии присутствовали идеи эсхатологического звучания: «всемирно-историческая миссия пролетариата», «царство Свободы», всеединство («Пролетарии всех стран, соединяйтесь»), нестяжательство («каждому по труду»), и другие. Данные образы и идеи, претерпевая известную эволюцию, остаются центральными в советской культуре на протяжении всего периода ее существования.

Изменение исторической ситуации в связи с хрущевской «оттепелью», не снизило утопического накала в общественном сознании, хотя и существенно видоизменило формы официальной и неофициальной утопии.

Во втором параграфе - “Контрутопия как ценностная альтернатива официальной утопии” - дается анализ феномена контрутопии. В условиях замкнутого советского культурного пространства с господствующей официальной идеологизированной утопией, все иные альтернативные проекты, претендовавшие на выражение конструктивного, творческого, новаторского начала, неминуемо превращались в контрутопии. Появление

контрутопии стало свидетельством осознания и рефлексии всеохватывающих кризисных явлений современного ей социалистического общества. Расхождение ценностей социалистической идеологии и жизненных реалий стали “пищей для размышлений” интеллигенции и на этом историческом этапе. Контрутопия объединяет утопию и антиутопию. Уже на начальной стадии контрутопия не ограничивается возможностями исключительно негативной утопии. “Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии” А. Чаянова, “Красная звезда” А. Богданова — типичные примеры позитивной утопии. Контрутопия, выраженная в негативной форме, с момента своего появления (“Мы” З. Замiatина, “Грядущий мир” Я. Окунева), становится предвосхищением диссидентской утопии.

Следующий этап развития утопического жанра приходится на начало 60-х гг. XX века. Вместилищем утопических проектов стала отечественная научная фантастика (“На оранжевой планете” Л.Оношко, “Записки из будущего” Н.Амосова, “Каллистиане” Г.Мартынова, “Туманность Андромеды” И.Ефремова). Широкое распространение получают романы-предупреждения. Авторы привлекают общественное внимание к проблеме ответственности науки за дегуманизацию общества (“Пикник на обочине” братьев Стругацких, “День гнева” С. Гансовского), осуществляется критика попыток “улучшить человека” (“Побег” И.Варшавского). Научная фантастика активно протестуя против диктатур, партократий, представляет осмысление проблем общества, где господствует официальная утопия. Герои подобного рода произведений ведут поиски идеально устроенных обществ на других планетах, под землей, в будущем — одним словом путешествуя, в соответствии с законами жанра во времени и пространстве.

Контрутопия, будучи одной из форм критического осмысления необходимости социальных перемен, в разных вариантах (будь то позитивная утопия, или пародирующая Советский строй антиутопия) сопровождала практически всю историю существования Советской власти и, безусловно, оказала влияние на формирование феномена диссидентской утопии.

В третьей главе - “Сущность и специфика диссидентской утопии” - раскрывается понятие диссидентской утопии. Дается характеристика видов диссидентской утопии. На примере произведения В.Войновича раскрываются принципы построения “утопии инакомыслящих”.

В первом параграфе — “Понятие диссидентской утопии” — характеризуются сущность и черты диссидентской утопии.

Диссидентство — это неформальное, демократическое движение 60-80-х гг. XX в., готовившее предпосылки для духовных перемен в обществе. Сутью деятельности диссидентов являлось привлечение внимания общественности к тоталитарной сути действующего политического режима. Соответственно под диссидентскими утопиями в диссертации понимаются рационально-художественные проекты, представленные преимущественно негативными утопиями и рожденные писателями и публицистами, правозащитниками этой эпохи. В условиях господства утопизма как одной из центральных черт общественного сознания, доминирования утопичной по своей сути советской идеологии во всех сферах жизнедеятельности человека, диссидентские утопии продолжали традиции отечественного свободомыслия и становились одним из способов борьбы с тоталитаризмом, своеобразной попыткой сопоставления и противопоставления духовных ценностей современному им общества - истинным общечеловеческим гуманистическим ценностям.

Понятие “диссидентской утопии” уже понятия контрутопии, поскольку объединяет утопии, созданные в течение довольно небольшого отрезка отечественной истории советского периода. Фактически диссидентская утопия стала ипостасью контрутопии в конкретных культурно-исторических условиях.

Диссидентская утопия по преимуществу является негативной, поскольку эта форма становится наиболее современным вариантом отображения действительности. Утопия инакомыслящих продолжает традицию антижанров. Она протестует, переворачивает ценностные ори-

ентиры, использует элементы других литературных жанров, насыщена «игровой поэтикой» (А. Синявский, Ю. Даниэль, А. Солженицын, В. Войнович, В. Аксенов, В. Ерофеев, братья Стругацкие, Н. Боков, Ф. Искандер и А. Зиновьев).

Раскрытие понятия “диссидентской утопии” невозможно без обращения к “игровой поэтике” романов и повестей, рассказов и басен. Столь разнообразные по жанру и художественным приемам, они объединены, тем не менее, определенным сходством - наличием в большей или меньшей степени характеристик диссидентской утопии.

Художественные средства позволяют авторам экспериментировать с окружающей реальностью. Каждый автор по-своему стремится раскрыть перед глазами читателей угрожающие перспективы тоталитарного образа жизни. Сатира, наслоение фантазмагорий, игра с моделированием окружающей действительности и будущего — постоянные спутники этих произведений.

От своих литературных предшественников авторы наследуют художественные приемы, без которых в тоталитарном государстве невозможно высказывать оппозиционные идеи: “сновидение” или “одурманенность”, как способ заглянуть в будущее или представить себе альтернативу истории. Противоположный прием - сознательный эпатаж публики посредством вызывающей демонстрации своей оппозиционности правящему режиму. Гротескная поэтика позволила выразить фантазмагорическую, противоестественную и уродливую природу советского устройства и советской психологии. (Ю. Алешковский, А. Гладилин, Ф. Искандер и т. д.). Использование еще одного характерного приема диссидентского творчества - игрового моделирования исторических альтернатив - органично вписывается в ситуацию эпохи постмодерна последней четверти XX в. (В. Аксенов).

Во втором параграфе - “Многообразие видов диссидентской утопии” - определяются направления, по которым развивается утопическая мысль диссидентов.

При углубленном анализе контрutoпических проектов обнаруживается, что зачастую утопия облачается в одежды различных литературных жанров. *Постмодернистский роман* (В. Аксенов “Остров Крым”, В. Войнович “Москва 2042”) — демонстрирует при описании “совершенного общества” успешное применение новых способов и правил интеллектуальной деятельности. Среди таковых — “принцип условности”, шаржирование реминисценций классической литературы, пародийное обыгрывание сюжетов отечественной истории, пренебрежение требованиями традиции литературных жанров, элементы которых вплетаются в повествование. Зачастую в пределах одного произведения проигрываются сценарии не одной, а нескольких утопий (коммунистическая, монархическая, утопия русского национализма).

Специфической формой утопического повествования является *философская сказка*. Эта литературная форма характерна, в частности, для произведения Ф. Искандера “Кролики и удавы”, где представлены размышления автора о тоталитарной власти и возможностях сопротивления ей.

Примером существования в пределах одного исторического периода нескольких полемизирующих между собой контрutoпий может служить *оппозиционная публицистика* 60–80-х гг., на одном полюсе которой — неославянофильские проекты А. Солженицына, на другом — “условно-фантастическая общая картина технических аспектов будущего” А. Сахарова.

В основе утопизма Солженицына лежит недоверие к прогрессу. “Скачку” или “бесконечному прогрессу” он противопоставляет необходимость внутреннего саморазвития. Путь к возрождению страны Солженицын видит в обращении к опыту прошлого (XIX) века с практикой земств, региональных учреждений, самоуправления, созданных в 1864 г. Солженицын ратует за главенство этического в культуре.

Идеи Солженицына стали объектом критики другого диссидента — академика А. Д. Сахарова. В полемике с Солженицыным Сахаров выступает против разделения идей “на русские и западные”. Явно просматривающийся у Солженицына акцент на “идеализацию русского” вызывает у

Сахарова настороженность. Как ученый Сахаров пытается дать свои конкретные прогнозы будущего, затрагивая проблему прогресса. Утопическая часть его размышлений о будущем предполагает создание нескольких зон — для работы, отдыха, идиллии с природой. Центром размышлений для Сахарова становится идея о гармоничном существовании человека в будущем, о полноте наслаждения свободной и разнообразной культурной жизнью.

В третьем параграфе “Принципы построения диссидентской утопии (на примере романа В. Войновича “Москва 2042”) — предпринята попытка выявить наиболее характерные способы создания диссидентской утопии.

“Москва 2042” В. Войновича представляет собой один из наиболее ярких примеров диссидентской утопии. Роман написан в традициях антижанрового произведения, что предполагает наличие текста или идейной основы в качестве источника мотивов. Вместе с тем, роман Войновича — контридеология, поскольку источником для пародии выступает советская действительность. Антиутопия Войновича не только пародирует сам жанр утопии в целом, но и в сатирической форме разоблачает абсурдность официальной утопии, фактически сливающейся в Советской России с идеологией.

Войнович продолжает традицию негативной утопии, заданную русскими утопистами 19 столетия. В своем произведении автор последовательно пародирует характерные для утопии как жанра приемы и художественные методы. Герой романа совершает путешествие в будущее — республику Москорея. Перед героем-пришельцем предстает фантастический мир. Знакомство с жизнью обитателей этого “совершенного общества” становится основой сюжета. Используя художественные методы свойственные антижанровому произведению: гротеск, сатирическое пародирование, игра с названиями, гипербола — писатель моделирует перспективу развития советского общества. Автор совершает мысленный эксперимент, целью которого является создание предельно гиперболизированного образа коммунистического общества. Описывая тот или иной аспект жизнедеятельности москорея-

цев (общественно-политическая, религиозная, семейная, интимная сферы) в преображенном (максимально доведенном до абсурда) виде, автор приходит к подтверждению мысли о том, что в тоталитарном обществе подлинные ценности и смыслы человеческого существования, будучи напрямую зависящими от идеологии, опрокидываются и предстают в искаженном с точностью до наоборот виде.

Диссидентская утопия Войновича принадлежит к разряду дистопий, акцентирующих внимание на настоящем и претендующих на пересмотр базовых социалистических ценностей, для чего посредством мысленного эксперимента доводятся до логического предела те негативные тенденции, которые автор расценивает как очевидные.

В заключении подводятся общие итоги исследования, формулируются полученные в ходе проведенного исследования выводы, намечаются перспективы дальнейшей разработки темы.

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:

1. Утопия и антиутопия XX века // Проблемы развития культуры в трансформирующейся России (традиции, опыт, современность): Мат-лы науч.-практ. межвуз. конф.: Тезисы науч. докладов (Ростовский-на-Дону филиал С-Петербур. гос. ун-та культуры и искусств. — Ростов-на-Дону, 2000. (0,1 п.л.)
2. К проблеме сущности утопического // Труды аспирантов и соискателей Ростовского Государственного университета. Том VIII. — Ростов-н/Д: Изд-во РГУ, 2002 (0,1 п. л.)
3. О специфике русской утопической традиции // Труды аспирантов и соискателей Ростовского Государственного университета. Том XIX. — Ростов-н/Д: Изд-во РГУ, 2003 (0,1 п. л.)
4. Диссидентская утопия в русской традиции свободомыслия // Философское и культурологическое россиеведение: ЕН АРХН 1. (3). Ростов-на-Дону, 2004. (0, 4 п. л.)
5. Утопия как рефлексия советской модели модернизации // Гуманитарии и социально-экономические науки. 2005. № 1.

№ - 5 3 9 5

РНБ Русский фонд

2006-4
5236